

ТАТЬЯНА
ЛЮБИМАЯ

Я ТЕБЯ СПРЯЧУ

Татьяна Любимая

Я тебя спрячу

«Автор»

2026

Любимая Т.

Я тебя спрячу / Т. Любимая — «Автор», 2026

У нее проблемы. Серьезные. Ее ищут.— Идем.— Куда? — испуганно смотрит на меня.— Я тебя спрячу.

© Любимая Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Татьяна Любимая

Я тебя спрячу

Пролог

Пара баров по пути.

Настроение – зайти, напиться, подраться...

Я бы с удовольствием сейчас помахал кулаками. Очень хочется спустить пар.

Но...

Не притормаживая, иду мимо. Чуть дальше есть подвал, оборудованный под качалку, он не закрывается, и там всегда кто-нибудь тусуется. Я со всеми знаком, кто-нибудь из парней мне в спарринге не откажет.

И... опять иду мимо.

Лицо спрятано капюшоном. Темнота мне на руку. Никого не хочу видеть, разговаривать.

– Не трогай меня, урод! – слышу истошный женский крик в темноте. Аккурат за углом бара, куда не проникает свет уличного фонаря. – Отпусти! Не брала я ничего!

– Проверим, – басит в ответ спокойный баритон. – Держи ее.

Двое, как минимум, – соображаю я. – Девчонку зажали. Вот и груши для битья мне нашлись.

Сворачиваю на звук голосов, притормаживаю за углом, всматриваюсь. Глаза не сразу привыкают к темноте.

– Клянусь, я ничего не брала! – истерично орет девчонка. – Я случайно там оказалась.

– Не дергайся, а то будет вавка. Ты же не хочешь испортить свое смазливое личико? – тот, кто угрожает, явно упивается своим превосходством и силой и получает удовольствие от угроз.

Сжимаю кулаки до хруста. Терпеть не могу, когда обижают слабый пол. Тем более вот таких – беззащитных и слабых.

– Мужики, – подхожу к силуэтам у стены. – Девушку отпустили. Быстро.

– Эй, иди мимо, не мешай, – рывкает тот же голос. – У нас тут... – ухмыляется, – ролевые игры.

– Я говорю, девушку отпустили, – повторяю глухо.

– Мот, разберись.

От стены отделилась одна фигура. Примерно моей комплекции. Подпускаю ближе, а затем с разворота ногой бью четко в челюсть. Моя фишечка.

Хорошо, но мало. Даже неинтересно.

Еще трое вышли из тени, рассредоточились вокруг меня на расстоянии трех метров.

Совсем другое дело!

– Помогите, – жалобно пищит девчонка.

Разминаю шею, позвонки приятно хрустят, адреналин кипит.

Ну, давайте, кто первый.

Глава 1

Никита

Обнимаю Линку, чувствуя, как к горлу подступает удушающий ком. Не моя девушка. Не моя жена. Не была и не станет.

Шепчу ей на ушко напутствие. Мне важно ей это сказать больше, чем ей услышать:

– Будь счастлива, Лин...

Вдыхаю аромат ее волос, с горечью понимая, что все, больше не будет даже этого запаха.

– Буду, – обещает. – И ты тоже...

Она еле сдерживает рыдания. Беременная, чувствительная, эмоциональная девочка. Расстроена из-за предстоящей разлуки, а не потому, что любит меня. Может и любит, конечно, но как друга, а не как мужчину. Сердце ее навеки отдано теперь уже законному мужу. Расписались сегодня.

Заставив себя оторваться от Лины, разворачиваюсь к ее мужу. Тот ожидаемо сверлит нас ревнивым взглядом, выразительно опуская глаза на мои руки на талии Ангелины. Убираю их.

Подхожу к Егору вплотную. Весовая категория у нас практически одинаковая, только гибкости и практики ведения боя у меня поболее. Ушатаю враз, если выпросит.

– Если ты обидишь Лину... – выдыхаю ему в лицо. – Если она хоть раз заплачет... – предупреждаю его максимально строго. – Я тебя найду и лично закопаю так, что ни одна собака не найдет... – Угрожал он мне именно этими словами совсем недавно, будучи уверенный, что Лина – моя. – На правах свидетеля вашего брака. На правах крестного вашего ребенка. Ты меня понял, Егор?

– Эй! Это мои слова! – Егор хватается меня за шею, я его тоже, начинается борьба, шутилая, но она быстро заканчивается дружескими объятиями, похлопываниями по спине и широкими улыбками. Как на него злиться, подлеца. Линка с ним счастлива, ожила, расцвела, замуж вышла в нашем захолустье.

Что главное в любви? Чтобы объекту обожания было хорошо, так? Панина, теперь уже Сургутская, счастлива, а значит, я тоже должен быть счастлив.

Не сейчас, когда еще все живо в груди, но чуть позже точно.

Наконец, поезд трогается, увозя от меня бывшую одноклассницу, девчонку, в которую я влюблен. Сердце мое разбито. Я и не думал, что смогу настолько увязнуть в чувствах.

Ташусь за родителями, как слепой пес, не соображая куда, зачем. В себя прихожу, когда долго торчим с отцом у магазина, мать внутри, ушла за покупками.

Оглядываюсь. Что я здесь делаю?

А что я буду делать на базе, где мне все будет напоминать о Лине?

– Бать, вы езжайте с матерью домой, я позже приеду, – говорю отцу.

– Почему? – хмурится он.

– Дела, – уклончиво отвечаю.

Не говорить же ему, что не могу я ехать туда, где влюбился, как пацан, в бывшую одноклассницу. Девчонку, что была самой красивой в классе. Да что там в классе, в школе. Тогда она мне просто нравилась.

Я был хлипким, неуверенным в себе сопляком, подойти, заговорить – нет, не мог. А потом, после девятого класса, забрал документы из школы, поступил в Красноярское училище. Четыре года пролетели в учебе, спорте, новых знакомствах. Родилась идея с туристическим бизнесом. Родители поддержали, рискнули, продали все, уехали вместе со мной за моей мечтой, и вот, мы живем на Алтае, построили и продолжаем строить одну из лучших баз в долине, катаем туристов по местным достопримечательностям. Сезон длится с ранней весны до поздней осени, мы неплохо зарабатываем.

И вот гляди, как распорядилась судьба: именно сейчас снова свела меня с Линой. Только теперь мне есть что ей предложить, но она...

У нее неземная любовь к Сургутскому, от которого она сбежала, но он ее нашел. На моей базе. И вот, спустя трое суток, он увез ее, счастливую и беременную, к себе в Москву. Даже успели пожениться у нас в поселке.

Завидую ли я Сургутскому? Не передать словами как!

Он украл у меня мечту.

А я остался один, в груди дыра, я не знаю, что с ней делать. Но точно знаю, что именно сегодня возвращаться на базу не хочу. Что-то держит меня здесь, в поселке, сам не пойму что. Может быть то, что пару дней в этом месте я был с Линой один на один.

А у нас даже поцелуя не случилось. Я наивно думал, что она не позволяет, потому что неопытная, нецелованная, стеснительная, не знающая секса.

А у нее все было и даже успела залететь.

Мне нужно как-то собрать себя по кусочкам, восстановить душевное равновесие, отвлечься. Снять девчонку, пусть поможет забыть Линку.

Все это, видимо, написано на моем лице, потому что отец только кивает. Он все видит и понимает. Я своих чувств к Линке не скрывал.

– Глупостей только не натвори, – предупреждает, продолжая хмуриться.

– Где я и где глупости, – усмехаюсь. – Матери сам скажешь.

– Аха.

Жмем друг другу руки.

Пока мать отоваривается в магазине, быстро сваливаю.

Бесцельно брожу по улицам.

Настроение – набить кому-нибудь морду, раз уж Сургутскому не удалось.

Кулаки как сжались еще там, на перроне, так и не разжимаются. Пальцы уже не чувствую.

Засовываю их в карманы. Втянув голову в плечи, бреду по центральной улице, пряча лицо от встречающих людей. Тут много знакомых, но я не хочу ни с кем разговаривать.

Ноги приносят к пристани, сижу там, слепо глядя на воду, вспоминаю каждый день, проведенный с Паниной. Мой печальный ангел. По первости у нее были грустные глаза, часто – наполненные слезами, но со временем она начала оживать, больше смеяться.

Мать все подзуживала меня: бери ее замуж, бери, лучше не найдешь. Предложил. Отказалась.

Эх. Что значит не судьба.

Небо черное, звезд не видно – облака затянули все до горизонта.

Лина уехала и словно увезла с собой хорошую погоду. И частичку меня забрала тоже.

А ведь я хотел ее спрятать. Чтоб никакие Сургутские и самые лучшие сыщики не нашли ее. Есть у меня одно надежное местечко. Но... там тоже нет врачей, цивилизация в принципе в нескольких десятках километров бездорожья, а Лине, в ее положении нужно наблюдение специалистов.

Беременна от Сургутского.

А мы даже не целовались с ней. По-настоящему. Усмехаюсь про себя: я думал, она недоtroга, потому что девочка еще, а она просто никого не могла подпустить к себе. Никого, кроме, Егора своего.

Представляете мой шок, когда я услышал, что она беременна?

Сургутскому повезло, что она любит его без памяти.

И он ее любит тоже, сам убедился. Не любил бы, хрен бы я Линку с ним отпустил.

А теперь в моей груди боль такая, будто копьем ее разворотили, вынули важный орган, а зашить рану забыли.

Мне хочется проораться от безысходности и пустоты и набить кому-нибудь морду. Самому получить в ответ. Чтобы выбили на хрен из моей головы мысли об Ангеле.

От воды повеяло прохладой. Пора идти на ночлег, хотя не уверен, что усну.

Накинув на голову капюшон худы, иду по центральной улице поселка. Тут несколько магазинов, есть ночные, вывески светятся. Такси стоят в ряд вдоль дороги.

Торможу возле неоновой вывески ночного клуба.

Хочу я туда или нет?

Басы бьют. А когда кто-то выходит или входит, они становятся громче.

Там, помимо музыки, еще и люди. Веселые.

Никого видеть не хочу.

Хотя настроение – зайти куда-нибудь, напиться, подраться...

Я бы с удовольствием сейчас помахал кулаками. Хочется спустить пар.

Но...

Не притормаживая, иду мимо. Чуть дальше во дворах, за гаражами есть подвал, оборудованный под качалку, он не закрывается и там всегда кто-нибудь тусуется. Я со всеми знаком, кто-нибудь из парней мне в спарринге не откажет.

И... все равно прохожу мимо.

Лицо спрятано капюшоном. Темнота мне на руку. Никого не хочу видеть, разговаривать.

– Не трогай меня, урод! – слышу истошный женский крик в темноте. Аккурат за углом бара, куда не проникает свет уличного фонаря. – Отпусти! Не брала я ничего!

– Проверим, – басит в ответ спокойный баритон. – Держи ее.

Двое как минимум, – соображаю я. – Девчонку зажали. Вот и груши для битья мне нашлись.

Сворачиваю на звук голосов, притормаживаю за углом, всматриваюсь. Глаза не сразу привыкают к темноте.

– Клянусь я ничего не брала! – истерично орет девчонка. – Я случайно там оказалась.

– Не дергайся, а то будет вавка. Ты же не хочешь испортить свое смазливое личико? – тот, кто угрожает, явно упивается своим превосходством и силой и получает удовольствие от угроз.

Уроды! Сжимаю кулаки до хруста. Терпеть не могу, когда обижают слабый пол. Тем более вот таких – беззащитных и слабых.

– Мужики, – подхожу к силуэтам у стены. – Девушку отпустили. Быстро.

– Эй, иди мимо, не мешай, – рывкает тот же голос. – У нас тут... – ухмыляется, – ролевые игры.

– Я говорю, девушку отпустили, – повторяю глухо.

– Мот, разберись.

От стены отделилась одна фигура. Чуть меньше моей комплекции, *суше, уже*. Подпускаю ближе, а затем с разворота ногой бью четко в челюсть. Моя фишечка.

Хорошо, но мало. Даже неинтересно.

Еще трое вышли из тени, рассредоточились вокруг меня на расстоянии трех метров.

Совсем другое дело!

– Помогите, – пищит жалобно девчонка.

Разминаю шею, позвонки приятно хрустят, адреналин кипит.

Ну, давайте, кто первый.

Каждого держу в поле зрения, не позволяю зайти за спину.

Первый пошел – уложил в считанные секунды. Слабак.

Со вторым слегка поиграл, позволил ему задеть себя скользким ударом в бочину. Боль обожгла, подстегнула выброс новой порции адреналина.

Второй лег рядом с первым.

Третий, видимо, оценил свои шансы, отступил, а потом и вовсе сбежал.

Разворачиваюсь к тому, что держит девчонку. Лица не видно, только фигуру, одетую во все черное. И ноги девчонки – светятся в темноте белым.

Он ей что-то злобное шепчет, она вскрикивает и оседает, а этот тип растворяется в темноте. Говорю же – слабаки.

Подбегаю к девчонке, тяну за руки вверх.

– Ты как? В порядке? – разворачиваю к свету фонаря. – Твою мать! – на секунду теряюсь от увиденного.

Она прижимает ладошку к щеке, сквозь пальцы сочится кровь, стекает по запястью. Глаза огромные блестят слезами, губы дрожат.

– Идем, быстрее, пока эти не очухались. Тут больница рядом. Надо обработать рану.

Мог бы и сам, у нас в долине врача днем с огнем не найдешь, азы оказания первой помощи изучали всей семьей. Контингент бывает разный, часто мужики перепьют, завязываются драки, разбираем, лечим. А если дерутся девки...

Но сейчас не об этом. Сейчас первую помощь оказать не могу, нет ни бинтов с собой, ни антисептика. А больница близко, на днях Линку туда относил, когда она сознание потеряла.

Эта девчонка хотя бы сама может идти.

Тяну ее за свободную руку, краем глаза замечая движение сбоку. Обидчики девушки приходят в себя.

– Поторопимся.

– Тут сумочка где-то моя, – тормозит пятками. – Паспорт там, – шепчет.

Шарю по карманам в поиске телефона. Черт, заряд – одно деление. Включаю фонарик, быстро освещаю территорию.

– Вот она, – поднимает с земли что-то бесформенное, прижимает одной рукой к груди, второй все так же зажимает рану.

Поднимаю фонарик выше, хоть посмотреть, кого я освободил, но в этот момент свет гаснет вместе с телефоном.

А девчонка вдруг выпускает из рук сумку, колени подкашиваются, заваливается набок.

– Эй, ты чего? – подхватываю у самой земли. Без сознания.

Вот черт, – усмехаюсь про себя, – опять до больницы пешком и с ношей.

Но, надо заметить, эта девчонка килограмма на два легче Ангелины.

Глава 2

Никита

Ноги привычно несут до больницы. Ноша легкая, руки не устали. Вот Линку когда нес – вспотел, а эта девчонка легче, даже дыhalка еще не сбилась.

При каждом попадании под свет уличного фонаря или вывески бросаю взгляд на лицо своей ноши, пытаюсь разглядеть.

Волосы у нее черные, короткие, черты лица острые, губы в меру пухлые – свои. Я у нас на базе столько дутых губ, скул, ягодиц и грудей насмотрелся, что подташнивать начало, а у этой все с губами и всем остальным норм. Худовата только.

К раненой щеке прилипла прядь волос, оценить глубину раны сложно, но крови вытекло дофига. Остается надеяться, что не критично, и девчонка в обмороке от стресса, а не от потери крови.

– Эй, – подкидываю ее на руках, перехватывая поудобнее, – ты давай, не шути так. Я что – зря старался, что ли?

Длинные ресницы веером лежат на скулах. Ни разу не дрогнули.

Мне кажется, ей холодно. Прижимаю крепче к груди. Мне жарко.

– Хоть бы имя свое сказала, – ворчу, больше развлекая разговорами себя, а не пытаюсь достучаться до девчонки.

Последний рывок – крыльцо, плечом толкаю дверь и с порога ору:

– Врача, срочно.

– Что, опять?! – выглядывает из-за стойки знакомая медсестричка. Узнала.

Но увидела кровь на лице девчонки, тут же изменилась в лице, схватила телефон.

– Врача в приемный покой, срочно!

Я же, приметив в углу каталку, кладу на нее раненую. Тут же начинается суeta, меня оттесняют, девчонку увозят.

Опускаюсь на лавку для посетителей. Чувствую, как подрагивают руки.

Дежурная медсестра подходит ко мне с влажными салфетками.

– Держи, Никита. Не уходи, полиция скоро подъедет.

Поднимаю на нее вопросительный взгляд.

– Ножевое. Мы обязаны сообщать, – поясняет.

Ясно.

Осматриваю себя – испачкался кровью прилично.

– В прошлый раз другая девушка была. Ты говорил – невеста. На эту променял?

– Хулиганы напали. Отбил, – сухо отвечаю, не планируя вдаваться в подробности.

– М–м. Тебе медаль, поди, дадут, – усмехается медсестра. Аля, кажется. – За спасение.

– Где тут туалет? – не реагирую на девушку. – Застирать надо, – оттягиваю рукав худи.

– Снимай все, я постираю.

Взглядом исподлобья торможу ее подкат.

– Ладно, ладно, поняла я, – обиженно поджимает губы. – Там санузел, – показывает направление.

Ухожу в туалет. Тут сильно пахнет хлоркой.

Мою лицо, руки, осматриваю кофту. Проще выкинуть и купить новую, чем эту стирать. Пятна уже подсохли.

– Ну что, Никита, хотел приключений, получай, – усмехаюсь отражению.

Задираю кофту, осматриваю, ощупываю ребра, по которым пришелся удар. Ушиб. Синяк будет. Фигня.

Что, интересно, девчонка украла? И у кого? Типы серьезные к ней пристали.

Даже имени ее не знаю.

У меня же есть ее сумка! Сунул на автомате в карман, когда девчонку на руки брал. Она говорила, там паспорт.

Растягиваю в стороны бесформенную вещь, которую незнакомка назвала сумкой. Тряпочная какая-то, в пыли. Нахожу молнию, расстегиваю, высыпаю содержимое возле раковины.

Помада, пачка бумажных салфеток, банковская карта, солнцезащитные очки в футляре, складное зеркальце, расческа. А вот и паспорт. Открываю.

Евгения Романовна Лебедева, – читаю.

На фото – темноволосая девчонка с выразительными чертами лица. Брови вразлет, губы пухлые. Симпатичная. У моей незнакомки волосы короткие и черные. Она или нет? Не разглядел толком. По возрасту вроде она. Прописка – Новокузнецк.

И что ты делаешь в наших краях, Евгения? Туристка или бежишь от кого?

Встряхиваю и ощупываю сумку еще раз. Телефона нет. Странно.

Сгребаю все обратно, иду назад.

– Никита! – машет мне Аля, подзывая. – Как девушку зовут, знаешь? Мне надо карточку заполнить.

Открываю рот, чтобы сказать, и тут же закрываю.

Если Лебедеву кто-то ищет, найдут ее здесь в два счета.

– Никит, чего завис? – ждет Алевтина.

– Не знаю имени. Говорю же, на улице от хулиганов отбил.

Незаметно вытаскиваю из сумки паспорт Евгении, сую в карман джинсов.

– Аль, у тебя зарядка есть? – кладу на стойку разряженный телефон.

– У меня есть все, – опять флиртует. – И зарядка, и разрядка...

С многообещающей, но фальшивой улыбкойдвигаю ей аппарат. Забирает. Ставит на зарядку. Крутит передо мной прелестями своими.

Я как дряхлый старик – не-хо-чу.

Приезжают ребята из полиции. С Сашкой я знаком – он к нам на базу по работе несколько раз наведывался. Второго не знаю. Новенький какой-то.

Пожимаю Сашке руку.

Отвечаю на вопросы, вкратце рассказываю, что отбил девчонку у хулиганов, умалчивая про то, что они что-то от нее требовали. Женя захочет – сама им расскажет. И про паспорт молчу. Как выглядят нападавшие? Не разглядел, темно было. Только место описал.

Из палаты выходит врач. Видит ребят в форме, сразу подходит к нам.

– Как она? – опережаю всех с вопросами.

– Рану обработали, зашили. К сожалению, останется небольшой шрам, но впоследствии его можно будет убрать.

– А как сама девушка? К ней можно?

– Сейчас ей нужен полный покой и сон. Приходите утром.

Дальше с врачом разговаривают полицейские. Отхожу к Але.

– Ты можешь меня провести к девушке? – спрашиваю тихо.

– Ты же слышал, Никита, утром приходи.

– Мне сумку ей отдать надо, – поднимаю руку с бесформенной вещицей, показываю.

Аля кидает взгляд на врача и парней.

– Ладно, пойду сама сначала посмотрю.

Скрывается в палате. Ее нет минуту, хотя по ощущениям – час. Выходит недовольная.

– Чего она у тебя дикая такая? Послала меня.

– Не спит? – дергает меня. – Можно мне к ней?

– Иди, пока врач не видит.

– Буду должен, Аль, – прикладываю руку к груди.

– Ой, не расплатишься, Никитка, – кокетливо.

Сдергиваю с зарядки свой телефон, сую в карман.

Незаметно по стеночке просачиваюсь к палате. Убедившись, что никто не следит за мной, прячусь внутри.

Испытываю дежавю. Точно также несколько дней назад пробрался к Ангелине. Палата та же, девушка другая.

Глава 3

Никита

Плотно закрываю за собой дверь и только после разворачиваюсь. И сразу встречаюсь с испуганным взглядом девчонки.

Сидит на кровати, стопы на полу, сама как оголенный нерв. Одно движение, и бросится бежать. Волосы взлохмачены, во всю щеку – белый пластырь.

– Тихо, тихо, – выставляю руки вперед и делаю дружелюбное лицо. Быстро сканирую помещение. Никого. – Это я, – говорю медленно. – Помнишь меня? Я отбил тебя от нехороших дядек, принес сюда. Меня зовут Никита. Это твоя кровь, – оттягиваю ткань, демонстрируя пятна на худи. – Ну, давай, вспоминай. Вспомнила?

Неуверенно кивает, но не расслабляется.

– Тебя как зовут?

– Где моя сумка? – морщится, хватаясь за щеку, расстроено ощупывает пластырь пальцами.

– Вот, – вытаскиваю из-за пазухи. Делаю шаг к Жене, она дергается в сторону. Кидаю сумку на кровать, не рискуя подойти ближе. – Слушай, я не собираюсь причинять тебе вред. Честно. Можешь не благодарить, что спас, просто мне показалось, тебе нужна помощь...

Молчит. Схватила сумку, прижала к груди, как ребенок любимую игрушку, и буравит меня взглядом. В глазах – смесь страха, недоверия и какой-то дикой усталости.

– Сильно больно? – киваю на лицо, стараясь не делать резких движений.

– Неудобно, – чуть подумав, рассказывает о своих ощущениях. – Обезболили.

– Врач сказал, шрам останется. Но потом можно убрать.

Кивает. Не сильно ее мои слова успокоили.

– Могло быть и хуже. Скажешь, как зовут тебя?

– Си... Сима, – неуверенно.

– Сима? – едва не выдаю себя, что видел в паспорте другое имя. Возможно, девчонка перестраховывается, скрывая настоящее имя. Или на фото не она и паспорт не ее.

Но похожи ведь!

– Зачем ты меня сюда принес? – голос хриплый, срывается. – И... откуда ты взялся вообще? Они могли и тебя...

– Не могли, – перебиваю ее, усмехаюсь. – Я, знаешь ли, тоже просто так мимо не прохожу. Увидел – четверо мужиков на одну девчонку. Красиво? Нет, не красиво.

Женя, то есть Сима, смотрит на меня настороженно, но в глазах появляется что-то еще. Любопытство? Недоверие? Пока не пойму.

– Спасибо, – выдыхает она словно через силу.

– На здоровье. Тот тип, что сделал это с тобой, – имею в виду рану. Делаю паузу, подбирая слова, – говорил про какую-то вещь, которую ты якобы украла. Это правда?

Она мгновенно сжимается, как пружина. Глаза сужаются, пальцы сильнее впиваются в сумку.

– Я ничего не брала.

– Но он...

– Я. Ничего. Не брала! – на грани истерики.

– Понял я, понял, – опять машу ладонями, чтобы успокоилась.

Не хочет говорить, не надо. Значит, не доверяет. Значит, реально боится последствий.

– Не брала, так не брала, – говорю спокойно. – Ты только пойми, Сима. Я только что рисковал своей шкурой из-за тебя и того, что ты «не брала». Если эти уроды поймут, что я тебя сдал в больницу, они и сюда придут. За тобой. И за мной заодно. В коридоре уже двое

полицейских. Они тоже будут задавать вопросы. Я не исключаю, что они не знакомы с твоими обидчиками. Так что давай, Сима, посвети меня в курс дела. Что это за барахло такое, из-за которого нехорошие дяди режут лица девчонкам?

Она молчит. Долго. Так долго, что я уже думаю – все, пора уходить. Пусть сама разбирается. Геройство – это хорошо, но лезть в чужие темные дела без информации – самоубийство.

Лампы гудят под потолком. Из коридора еле слышны шаги и голоса. Они меня напрягают тем, что могут войти и нарушить наше с Симой уединение. И тогда я ни фиги не узнаю и наверное не смогу ей помочь. А помощь ей явно требуется. Это читается в ее испуганных глазах.

– Меня наверное с кем-то перепутали, – дрожит ее голос. – Я правда ничего не знаю. У меня ничего нет...

Содержимое ее сумки я видел. Там ничего такого нет. Паспорт чужой? А паспорт я вытащил и спрятал у себя в кармане. Но что-то мне подсказывает, что паспорт этот ее.

Где и что может быть еще? В карманах?

Короткая юбка и длинные загорелые ноги. Майка, под которой угадывается белье. Куртка была на девчонке, так вот она – на соседней кушетке лежит.

– Тебе здесь оставаться нельзя, – сдаюсь я. – Больница – первое место, где они будут тебя искать. Одевайся, идем.

– Куда? – испуганно смотрит на меня.

– Я тебя спрячу.

Глава 4

Никита

– Куда? – испуганно смотрит на меня девчонка.

– Я тебя спрячу. Есть одно надежное местечко. Не бойся, не съем, не сдам. Посидишь пару дней, пока я не пойму, что за хрень происходит и кто эти парни. А там видно будет. Или ты хочешь к себе домой вернуться?

Сима молчит, кусает губу. Вижу, как в ней борются страх остаться со мной и страх вернуться туда, где ее наверняка ждут. Выбирает меньшее из зол.

Кивает.

– Хорошо... А ты точно не с ними? – смотрит на меня в упор. – Или специально меня спас, чтобы подобраться поближе?

– Ты что думаешь, – усмехаюсь после ее слов, – будь я с ними, сразу бы утвердительно ответил?

Поняла что сморозила глупость. Опустила глаза в пол.

Теряем время!

– Слушай, если бы я был с ними, я бы не тащил тебя сюда через весь поселок. Я бы просто подождал, пока они тебя дождут, и отобрал бы то, что ты «не брала». Все, хватит вопросов. Решайся. Или я тебя прячу, или ты остаешься здесь и дальше сама. Время идет.

Она встает, пошатываясь. Берет сумку, перекидывает лямку через голову и наискосок через грудь. Поверх надевает куртку.

– Я согласна.

– Умница, – киваю и открываю дверь палаты. – Тогда пошли. Только тихо, через черный ход. Надеюсь, твои «друзья» еще не пронюхали, что ты здесь.

Осторожно выглядываю из палаты, вижу несколько мужиков в кожанках. Один из них мне кажется знакомым. Тот, который трусливо сбежал во время драки.

Беседуют с полицейскими.

Интуиция вопит «опасность!»

– Туда нельзя.

Закрываю дверь. На всякий случай подпираю ее стулом.

Разворачиваюсь. Осматриваюсь. На окнах решеток нет. Первый этаж.

Сима ведет головой, глаза слегка закатываются.

– Эй-эй, отставить обмороки! – строго прикрикиваю ей. – Бежим через окно.

Поддерживаю девчонку за локоть, веду к окну. По пути прихватываю с тумбочки бинты и пластырь, рассовываю по карманам. Распахиваю створку. В палату тут же врывается прохладный ночной воздух. Влажный. Небо затянуто тучами, моросит...

Окно выходит во двор больницы и сейчас пустой. У ворот только стоит карета скорой помощи. До земли почти два метра. Спрыгиваю вниз.

– Прыгай, я тебя поймаю, – протягиваю руки. Готов принимать.

Девчонка раздумывает ровно одну секунду. Свешивает ноги с подоконника, рывок, и летит прямо в мои руки. Аккуратно принимаю. Ставлю на ноги.

– Умница. А теперь за мной. Быстро.

По стеночке крадемся к воротам. Держу Симу за руку. Пальцы у нее прохладные. Ночь в принципе холодная, сырая, а девчонка с голыми ногами и одета довольно легко.

Прижимаюсь спиной к стене, выглядываю из-за угла. У ворот пусто, только старая скорая стоит с потушенными фарами. Водителя нет.

– Давай, – шепчу Симе. – Перебежками. До ворот, потом налево и сразу за те гаражи. Ты только бодрячком, ладно?

Грохнется в обморок, тащи ее опять. Мне так–то не сложно, но время потеряем.
Она сжимает мою ладонь, согласно кивает. Глаза огромные, в темноте блестят.
Бежим.

Свои кроссовки я не слышу вообще, а ее кеды предательски шаркают по асфальту. Но нам везет – никто не выскакивает, никто не орет, не бежит вслед.

Только сворачиваем за гаражи, я перевожу дух и отпускаю ее руку.

– Ты как, норм?

– Кажется, да, – выдыхает она и трогает пластырь на щеке. – Куда теперь? – с болезненным стоном.

– Иди за мной. Тут недалеко.

Дворами веду ее к спортзалу. Там пацаны, друзья мои, ночуют иногда, есть раскладушки, душ, холодильник с едой. Доберемся – решим, что дальше.

Идем молча. Женя старается не отставать, сумку держит мертвой хваткой. Запинается. Устала, потеряла много крови, но как настоящий боец, не сдается.

Прокручиваю события вечера. Какая–то украденная вещь, банда, девчонка с порезанной щекой, побег из больницы...

Что я вообще делаю?

Но выбора нет. Если эти уроды найдут Симу, не поздоровится ей. Жалко девчонку.

Еще один поворот и выходим прямо к спортзалу.

– Нам сюда.

Сима оглядывается по сторонам. Тормозит пятками.

– Seriously? Сюда?

Место темное и глухое. Сюда абы кто не придет, только проверенные ребята.

– Не шкаль, – усмехаюсь. – Там внутри нормально. Свои. Верь мне. – Толкаю дверь. – Осторожно, ступеньки.

Спускаемся вниз.

Глава 5

Никита

Спускаемся вниз.

Поздно, поэтому зал почти пустой. Из присутствующих – двое моих кентов. Один из них – Колян – здоровый детина под два метра, в трениках и мокрой от пота майке тягает железо. В другом углу Михей, наш главный по ударке, делает отбивную из груши.

Сейчас сезон, и многие местные, если есть возможность, сдают свое жилье туристам. Вот и парни тоже сдали, а сами живут здесь, в зале. До зимы. Совместили приятное с полезным.

Зал тут приличный: штанги, гантели, пара боксерских груш, ринг посередине. В отдельном закутке – маленькая кухонька с плиткой и холодильником, еще дальше – пара раскладушек и диван. Горит тусклый свет.

Бедовая моя, увидев мужчин, сначала стопорится, а потом с тихой паникой в глазах начинает пятиться назад. Перехватываю ее запястье, на давая сбежать.

– Смелее. Они – безобидные, – говорю негромко, чтобы слышала только девчонка.

Проходим дальше.

– Привет, Некит, – взмахивает мне Михей рукой в перчатке. – Давно тебя не было тут...

Я, как Лина на базу к нам приехала, сюда не заходил. Все быстро–быстро: на вокзал – встречать туристов, потом обратно с ними и наоборот. Торопился вернуться туда, где жила моя зазноба, куда тянулась моя душа. Это теперь ее там нет, и тяги нет.

Михей замечает за моей спиной мою спутницу.

– Опа. А это кто? Тебе чего, негде с девочкой оттянуться? – скалится.

– Заткнись, – негромко рявкаю.

Благо, ему хватает такта заткнуться, но пялиться внаглую не перестает, чем смущает, или скорее пугает, Симу.

– Какие люди... – подходит Колян. – Ник, ты с бабой? – недовольно. – Договаривались сюда посторонних не водить.

– Это не посторонняя. Это Сима. Ей нужна помощь.

Колян с интересом разглядывает Симу. Она стоит боком, с опущенной головой, пластырь скрывает прядь волос.

– Красивая...

Еще и от этих защищать, – раздраженно ворчу про себя я.

Делаю полшага к Симе, за плечо прижимаю к своему боку. Она вскидывает взгляд на меня и понимает, зачем я это сделал: обозначил, что она со мной. Так будет проще нам обоим.

Друг видит пластырь, и выражение его лица меняется с заинтересованного на встревоженное. Одна сторона лица у Симы красивая, а вот другая... отекала до самого глаза, нарушив симметрию. Он отрывает взгляд от лица девушки и переключается на меня.

– Что за помощь?

– Для начала – пожрать и поспать, – говорю я.

Сима нервно сжимает сумку пальцами. Вижу, как ей неуютно среди двух здоровых мужиков в полупустом зале. Напряженная и напуганная.

– Садись, – говорю ей, кивая на диван. – Колян, есть что пожрать?

– В холодильнике макароны вчерашние, сосиски. Могу разогреть, – он уже топает к кухоньке. – Девчонке... – кидает на нее косой взгляд, – белковый коктейль сделаю.

Михей подходит к нам. Смотрит на Женю внимательно, цепляет взглядом пластырь.

– Кто тебя так?

– Долгая история, – отвечаю за нее.

– Окей, позже расскажете, – Михей кивает. – Не бойся, – подмигивает Симе, – мы безобидные. Позвонить надо кому, сказать, что ты в порядке?

Качает отрицательно головой.

– Ясно.. – тянет, поглядывая на меня с вопросом в глазах. Никому из нас ничего не ясно, отвечаю ему взглядом. – Ночуйте, отдыхайте. Завтра разберемся.

Сима переводит взгляд с меня на Михея, на Колю, который готовит нам еду. Расслабляется чуть-чуть. Садится на диван, кладет сумку рядом.

– Спасибо, – тихо говорит.

– Ерунда, – отмахивается Михей и толкает меня в плечо. – Отойдем.

Отходим подальше от Симы. Я вкратце, поглядывая на девчонку, описываю вечер: хулиганы, порез, больница, побег. Михей слушает, хмурится.

– Требовали какую-то вещь? – чешет подбородок. – А она что?

– Говорит, ничего не брала. Я сам лично сумку осматривал, нет там ничего. Обычное бабское барахло: салфетки, зеркальце, помада...

– Хм. Странно. Веришь ей?

– Что не брала – не верю. Что дяденьки плохие – сам убедился.

– Описать их можешь?

Что помню рассказываю. Не сильно в темноте разглядел, только комплекцию да технику движения в драке. В больнице тоже времени не было запоминать детали.

– Залетные, – делает вывод друг. – Своих мы знаем.

– Скорее всего. Я их тоже раньше не видел. Морды у них незнакомые, и девчонку порезали всерьез.

– Ладно, – Михей хлопает меня по плечу. – Завтра с утра пробью по своим. Если это серьезно, надо решать. А пока – спать. Тебе раскладушка, девушке диван, а мы на ринге ляжем.

Через полчаса Сима лежит на разложенном диване, свернувшись калачиком, укрытая пледом. Я лежу рядом на скрипучей раскладушке, лишний раз стараюсь не шевелиться, чтобы не пугать девчонку. Смотрю, как она засыпает. С сумкой своей не расстается, под плед ее к себе засунула.

Неужели я что не заметил среди ее вещей?

Вспоминаю, что там было. Помада, пачка бумажных салфеток, банковская карта, солнцезащитные очки в футляре, складное зеркальце, расческа.

Паспорт на имя Евгении Лебедевой все еще у меня в кармане. Из-за него так сумкой дорожит? Его украла? Спросить? Не скажет ведь.

– Никита? – шепчет в темноте.

– М? – вижу, как сверкают влагой ее глаза.

– Спасибо тебе за все.

– Спасибо скажешь, когда из передраги выберешься, – отвечаю тихо.

Обидно, что не рассказала, что за беда у нее.

Не рассказала, потому что не доверяет. Мы ж незнакомы, считай.

– Как ты себя чувствуешь?

А то, может, плохо ей, она вида не подает, хорохорится.

– Слабость какая-то. Устала.

– Щека болит?

– Угу...

– У парней обезболи есть в аптечке, принесу, – подрываюсь.

– Не надо, я потерплю.

– Ну смотри. Если что – буди. И постарайся поспать. Утро вечера мудренее.

Послушно закрывает глаза.

Мда–а, заварилась каша, из которой нам теперь придется выгребать. Девчонка влипла в историю. Поди сама не понимает, как все серьезно.

Но отступить поздно, я ввязался в это дело тоже.

Закрываю глаза, снится Лина.

Глава 6

Женя

На мое горло ложится влажная ладонь. Слегка придушивает, прижимая меня к бетонной стене за моей спиной. Вытягиваюсь на носочках. Ужас сковывает все тело. Не могу пошевелиться, позвать на помощь. Только с силой втягиваю носом воздух, молясь, чтоб вдох был не последний. Губы шевелятся как у рыбки, но язык парализован. Ни звука.

Дальше – хуже.

К моему лицу приближается блестящий в темноте металл. Чувствую его холод кожей. И голос слышу. Низкий, угрожающий. «Я тебя найду, отдашь с процентами». Догадываюсь, о каких процентах он говорит.

Мне очень страшно и сейчас, и от рисующихся картин будущего в моей голове.

Резкая боль обжигает щеку.

Дергаюсь и...

Просыпаюсь резко и в холодном поту. Мне кажется, я кричала во сне, но Никита делает вид, что не слышит, или просто крепко спит. Другие мужчины спят на матах на ринге. С моего места видны их укрытые спальниками тела. Они далеко, это меня успокаивает. Как и то, что Никита рядом. Его одного я не боюсь. Он меня спас и не бросил потом. Увел из-под носа бандитов из больницы, спрятал здесь, у друзей.

Сон. Мне снился сон. Мозг воспроизвел вчерашний пережитый ужас.

Я жива.

Сердце в груди колотится как сумасшедшее.

Хочется вскочить и бежать куда глаза глядят, лишь бы подальше от страха, от преследователей, от боли, которую они могут причинить.

Торможу себя. Куда бежать? Сбежала уже и что? Нашли даже тут. А теперь ни вещей, ни денег, ни телефона. Только тряпичная сумка, купленная на местном рыночке у бабушки за копейки. Ее удобно прятать в карман или под куртку.

Прижимаю к груди сумку, сквозь ткань ошупывая содержимое. Все на месте, только кажется, нет паспорта. Его, возможно, забрали в больнице, чтобы оформить документы. А может, потеряла. Вот только я хорошо помню, как клала паспорт в сумку и застегивала молнию. Сумка цела, на замке. Поэтому скорее всего он в больнице...

Даже не знаю хорошо, что я без паспорта или плохо. Без него я никто.

Щеку саднит. Зашивали мне рану под местной анестезией и с успокоительным. Лекарство больше не действует, и мне больно. Останется шрам. Но даже это меня не столь волнует, как то, что я не знаю, что делать дальше, куда бежать, где прятаться. Без паспорта и денег никуда не уехать. С паспортом меня быстро найдут люди Марата.

В окне под потолком виден только кусочек светлеющего неба. Утро. Я одна среди троих мужчин. В подвале. Темно, зябко, страшно и неудобно. Но Марат страшнее.

Никита громко вздохнул во сне и повернул голову ко мне. Зажмуриваюсь, делая вид, что сплю. Сопит.

Сквозь ресницы рассматриваю его. Высокий, широкий в плечах, накачанный. Футболка обтягивает бицепсы. Мощный. Сильный. Раскидал троих играючи. Волосы светлые, глаза добрые, улыбка красивая. Крепкая шея переходит в рельефные плечо и бицепс. Не вылезит наверное из зала.

Осторожно трогаю повязку. Больно. Под пальцами будто что-то большое и инородное. Наверное, рана воспалилась.

Хочется в душ, но лицо мочить нельзя. Не уверена, что тут есть душ. Помещение чисто мужское. Даже запах специфический, тяжелый. Врезался в ноздри сразу, как спустились сюда, вьелся в одежду и волосы, вытеснив запах больницы.

Тихонько, замирая при каждом скрипе диванных пружин, опускаю ноги на пол. Встаю. Где у них тут умыться можно?

На носочках двигаюсь в одну сторону, в другую. Вижу закрытую дверь. Санузел наверное. Да, точно. И душевая тоже имеется.

Замки есть, но они такие хлипкие...

Лейки все закреплены под потолком. Тропический душ мне никак не принять из-за раны. Но как же хочется помыться.

Благо, есть раковина. В зеркало на себя смотреть страшно. Раненая половина лица сильно отекала, пластырь во всю щеку. Волосы взлохмачены и пыльные. Запасной одежды тоже нет.

Попала я.

От безысходности хочется рыдать, но запрещаю себе. Что толку от моих слез? Проблему они не решат.

Угроздило же вляпаться.

Кое-как умывшись и приведя себя в порядок, выхожу из душевой. И сразу сталкиваюсь с Никитой.

– Ой! – тихо вскрикиваю от испуга, едва не врезавшись в могучий торс.

– Ты чего тут? – придерживает за плечи, в глаза вглядывается. Заспанный и хмурый.

– Умывалась, – тушуюсь. Зачем он разглядывает мое лицо, оно теперь некрасивое, отталкивающее.

– Я думал, сбежала, – с облегчением выдыхает.

– Мне некуда... бежать... – шепчу одними губами.

Только бы не бросил меня тут одну, в чужом поселке, с незнакомыми опасными людьми. Вероятность, что Марат или его шестерки меня найдут очень быстро, высока. Пощады не будет.

Они и сюда могут прийти...

– Придумаем что-нибудь, – легко говорит Никита. – Идем, там мужики уже проснулись.

Опять волнение поднимается в груди. Не такое сильное, как вчера, когда мы пришли сюда, но все же. Я уже поняла, что этот спортзал – чисто мужское заведение и женский пол тут не жалуют, а я явилась сюда проблемная.

– Доброе утро, – пишу, не поднимая головы. Отчасти потому, что я некрасивая и не хочу жалких или презрительных взглядов в свою сторону.

– Доброе, – очень просто кивает Михай. Он расставляет на столик кружки, кидает в них обычные чайные пакетики. На тумбе греется чайник.

Николай просто буркает «привет» и скрывается в душевой.

– Садитесь чай пить, – приглашает Михай.

Никита усаживает меня в уголок, сам садится рядом.

Весь его вид кричит о том, что он взял меня под опеку. Его друзья приняли его посыл.

И я тоже. Пока этот большой сильный парень рядом, я более-менее спокойна.

К чаю на столе появляются сахар и простые печеньки. Завтракаем.

Парни перекидываются фразами, в которых звучат какие-то мужские имена. Это они про кого-то, кто ходит к ним в зал заниматься, понимаю я.

Про меня как будто забыли.

Кое-как запихиваю в себя печенье. Больная щека не дает жевать, поэтому приходится рассасывать печенье и запивать его чаем. Напоминаю себе беззубую старушку, которой не под силу привычная еда.

Минут через двадцать я слышу легкие шаги по лестнице и в следующий миг в зал врывается ураган в виде рыже-кудрявой девушки в яркой одежде вырви-глаз и огромных кроссовках. Она как будто сбежала из африканского племени. В спортзале даже светлее стало.

– Всем привет! – звонко здоровается.

Глава 7

Женя

– Аленка, – представляет мне девушку Михей. – Сестра моя. А это Сима.

Внутренне вздрагиваю от чужого имени, которым назвалась. Зачем? Сама не знаю. Испугалась. Подумала, что так легче будет спрятаться. Надо как-то признаться, но опять оттягиваю, медлю, сомневаюсь...

По тому, что Алена не задает вопросов, только с любопытством рассматривает меня, понимаю, что Михей ей уже рассказал обо мне.

С появлением в спортзале этой яркой девушки мне стало легче дышать. Напряжение, что я одна среди троих мужчин, улетучилось мгновенно.

Алена всех знает и очень проста в общении. Много смеется и болтает. Мой вид ее нисколько не коробит, она как будто не замечает мой пластырь.

– Так, Симу я забираю к себе, – командует она.

К себе? У нее есть план по спасению меня? Парни не отговаривают, значит, они в курсе и одобряют. Никита тоже, а его мнение мне важнее. Чуть кивает, отвечая на мой немой вопрос.

И я решаю просто подчиниться и доверить свою жизнь этим людям, которых я знаю всего несколько часов.

– Переодевайся, – Алена вытаскивает из своего рюкзака пакет, сует мне в руки. – Должно подойти.

Мы с ней почти одной комплекции.

Где переодеться? – растерянно кручу головой.

Только в душевой.

Иду туда.

Из пакета достаю ворох одежды. Ярко-красный спортивный костюм, мокасины, белая майка. И парик. Рыжий.

Вместо того, чтобы спрятаться, стать незаметной, невидимкой, слиться с обычной серой массой, я должна буду привлекать к себе внимание!

Мамочки!

Как страшно!

Но надеюсь, Алена знает что делает.

Переодеваюсь. Кое-как прячу под париком свои волосы. Челка до глаз, но пластырь не спрятать! А именно он меня выдаст, если Марат увидит его. Они и в больницу пришли, будучи уверенными, что со своей раной я буду там. А не найдя, наверняка сейчас прочесывают каждый угол. Поселок маленький совсем.

Выхожу.

Мужчины и сама Алена разом оборачиваются.

– Ого!.. – в голос.

– А ведь похожи, скажите, мальчики? – сестра Михея встает рядом со мной.

– Ага...

– Пластырь... – дотрагиваюсь до него рукой. Боль тупая и постоянная. Я к ней почти привыкла и вспоминаю о ней только, когда ем или говорю.

– Ерунда. Маску наденешь.

По-хозяйски идет к шкафу, открывает его. Вижу там медицинские принадлежности – бинты, мази, таблетки.

– Вуаля! – трясет медицинской маской.

Надеваю. Реально не видно!

– Ты с Михеем сейчас идешь ко мне домой и ждешь меня там. А ты, – обращается к Никите, – решаешь ее проблемы. Через два дня забереешь.

Два дня я буду жить у Алены?

А что решит Никита?

Но он только согласно кивает.

Алена отдает мне свой рюкзак.

– Ты – это я, – напутствует. – Идешь с прямой спиной. Кто окликнет или махнет, махнешь в ответ. Меня тут все знают, потому что я в салоне работаю, так что не бойся ничего. А с братцем моим тем более бояться нечего. Ушатает любого, кто подойдет.

Хоть бы никто не подошел!

Прячу свою сумку и одежду в рюкзак, надеваю его на спину.

Никита подходит.

– Не бойся ничего, ладно? – обхватив обеими руками мои плечи, заглядывает в мои глаза. В месте прикосновения горячо, несмотря на толстовку на мне. – Миха надежный, проводит тебя до дома. Аленка присмотрит за тобой.

Я бы лучше осталась с Никитой. Но свои мысли не озвучиваю. Если он доверяет другу, то и я должна довериться.

– Я приду за тобой, поняла? Ничего без меня не предпринимай.

– Хорошо.

Я буду ждать, – хочу добавить, но язык не поворачивается.

Это потому что щека болит, – оправдываю себя.

– Береги себя.

– И ты.

Михей уже готов и ждет меня.

Мне боязно идти с ним. Лучше бы с Никитой. Но эти люди помогают мне. Просто так. Незнакомой девчонке. Я должна доверять им.

Вчера я видела, как этот парень бьет грушу. Такой же сильный, как Никита. Только тело у него – гора выразительных мускулов, черты лица грубые, нос с горбинкой. Наверное, последствия драк. А Никита красивый.

Выходим с Михеем на улицу. Земля сырая после дождя, воздух влажный. Птички поют.

– Хватайся, – парень приподнимает согнутую в локте руку. – Аленка постоянно виснет.

Беру его за локоть. Подстраиваюсь под шаг.

Из дворов выходим на широкую улицу. Я помню ее. Она здесь, можно сказать, центральная.

– Далеко нам идти?

– Не очень. Пешком минут десять. Не бойсь, я посильнее Никита буду, – хвастливо.

– А Никита... он кто?

– Друг. И просто хороший парень.

Сватает, что ли? – кошусь на него.

Еще что-то говорит, но я на мгновение глохну, потому что мимо проезжает машина, и все мое внимание сконцентрировано на ней. Задние окна затонированы, но я вижу светлое пятно за стеклом. Кто-то там смотрит на нас. На меня!

Непроизвольно сильнее сжимаю локоть Михея.

– Местные, – коротко комментирует он, считав мою реакцию.

И меня отпускает.

Ровно до того момента, как навстречу едет другая машина. Интуитивно втягиваю голову в плечи.

– Они, – со стоном отчаяния выдыхаю. Теперь точно они.

– Выпрямись и смотри на меня, – приказывает Михей.

Это очень трудно! Но я стараюсь. Отвернувшись от дороги, заглядываю в глаза парня, а он смеется. Сбиваясь с шага, повисаю на его руке. Как пьяная!

– Ахаха, ты как сестра моя – такая же неуклюжая.

Вроде бы и пожурил, и комплимент отвесил. Я справляюсь?

Машина, сворачивая с дороги, останавливается перед нами, преграждая нам путь. Тормозим тоже. Сердце бешено колотится, как у загнанного кролика. Мне кажется, мой маскарад меня не спасет. Меня узнали.

Окно с пассажирской стороны опускается. Словно в замедленной съемке вижу, как поворачивается лицо пассажира и.... На меня смотрят глаза дружка Марата.

Едва держусь, чтобы не закрыть лицо руками. Выдам же себя сразу! И за спину Михея не спрятаться по той же причине.

Сцепив зубы и окаменев, стою не дыша. Остается надеяться, чтобы пронесло.

– Мих, здорово! – перегибается через него молодой парень, что за рулем. – Привет, Аленка!

Оглушенная страхом, киваю.

– Приболела, что ли?

– Грипп у нее. Подцепила заразу, – отвечает за меня Михей.

– Ох ничо се, ты давай, выздоравливай. У меня матушка собиралась к тебе на днях.

Киваю опять.

– Через неделю теперь, не раньше. Не хотела в отпуск идти, будет на больничном сидеть, – «жалуется» на меня Михей. – А ты чо, гостей катаешь?

– Аха. Тут пацаны сестренку потеряли, не видал? – и фотографию ему мою показывает!

Михей протягивает руку, берет карточку, рассматривает. Фото из моего личного дела. Увеличенная.

– Неа. Ты видела? – показывает ее мне.

– Нет, – хриплю будто реально больная.

Отдает обратно.

– Увидишь, позвони мне.

– Лады.

Машина трогается с места.

Пронесло?

– Вот видишь, а ты боялась, – усмехается мой защитник. – Аленка у меня голова.

А моя голова без сознания от стресса.

Глава 8

Женя

Остаток пути проходит как в тумане. Михай приводит меня к двухквартирному дому. Таких в поселке много. С палисадниками, рябиной под окном и табличкой «Во дворе злая собака».

Просунув руку в щель в заборе, Михай что-то там двигает, а затем открывает мне калитку.

– Найда, свои, – строгим голосом говорит овчарке, что сидит в вольере, стрижет ушами и втягивает в себя носом воздух. И один раз гавкает.

– Свои, я сказал, – повторяет Михай. – Проходи, Сима.

До крыльца бегу. Кажется, что собака при желании легко разнесет клетку и догонит меня, но опасения не оправдываются. Найда больше не издает грозных звуков, наоборот, радостно виляет хвостом и тихо поскуливает, выпрашивая ласку, но хозяин не обращает на нее внимания, идет к крыльцу, открывает своим ключом замок.

– Прошу, – взмахом руки приглашает внутрь. – У нас тут скромно, но моя комната пустая, можешь занимать.

– Алена скоро придет? – спрашиваю, неловко переступая с ноги на ногу в прихожей.

– Думаю да, – сняв обувь, идет с инспекцией, заглядывая в каждую комнату, но не заходя внутрь. – Да ты не бойся, кроме нее сюда никто больше не придет.

– Почему? – стягиваю с себя парик и с наслаждением запускаю пальцы в волосы. Мои, родные, примялись, будто под зимней шапкой побывали.

– Аленка на дому не принимает, – голос парня слышу из-за угла. По звону чашек понимаю – там кухня. – У нее в салоне аврал.

– В салоне? Кем она работает?

– Парикмахер. С детства куклам волосы под корень резала. После девятого класса курсы окончила и в салон устроилась. И ты знаешь, дело у нее пошло. Теперь без записи к ней не попасть. – Хлопает дверца холодильника. – Чувствуй себя как дома. Есть будешь?

– Нет, – стесняюсь, заходя в кухню.

Окидываю взглядом небольшое помещение с одним окном и двумя горшками герани на подоконнике. Кухонный гарнитур темно-синего цвета, на полке много баночек со специями, кружки на столешнице, прочие мелочи. Газовая плита с кастрюлей, в углу гудит холодильник, рядом с ним стол с табуретками под ним.

Пахнет кофе и корицей.

– У вас уютно. Вы вдвоем тут живете?

– Я в основном в зале, – жуя бутерброд из хлеба и сыра, говорит Михай. – Аленка выросла, чо я ее тут стеснять буду. Глядишь, замуж быстрее выскочит. А родаки базу держат недалеко от Казаковых, все лето там живут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.